

ГЛАВА 1

— Миледи, прошу вас.

Доктор Джеремайя Джонас суетливо потирал руки, торопясь приступить к осмотру. Невысокий, худощавый, с неприятным сморщенным лицом и выступающей вперед челюстью, он был похож на кривляющуюся обезьяну и казался Джулии таким же мерзким.

— Миледи?

Джул предпочла бы не слышать ненавистный голос. Если бы Уильям прекратил этот нелепый фарс! Муж ведь знает, что она ему никогда не изменяла, но почему-то продолжает упорствовать.

— Ваше сиятельство!

Джонас начинал проявлять нетерпение, а она не могла заставить себя сделать шаг. Все внутри восставало против произвола мужа. Всесильный граф Уэнсфилд... Как же ей порой хотелось высказать ему все, что накопело, но привычное благоразумие брало верх. Подобный порыв ни к чему хорошему не приведет, а вся ее семья окажется в долговой тюрьме.

Джулия покосилась на доктора и перевела взгляд на супруга. Уильям казался холодным и непреклонным. И старым. Худые, жилистые руки тяжело опирались на трость, многочисленные перстни сверкали на скрюченных подагрой пальцах, белоснежные манжеты подчеркивали желтизну кожи. Во внешности графа еще оставались следы былой красоты, но его преклонный возраст не могли скрыть ни дорогая одежда, ни тщательно уложенные волосы, ни несгибаемая воля, читаемая во взгляде.

— Дорогая, не задерживайте доктора, — нахмурился Уильям.

Джул вздохнула. Она знала, что спорить с мужем бесполезно. Уж за пять-то лет успела в этом убедиться! Уильям был на редкость упрям и категоричен, и если он что-то решил, то никогда не отступит.

Она молча прошла к постели, улеглась и приподняла юбки, мрачно размышляя о том, как ее угораздило согласиться на этот фарс, называемый браком? Хотя о чем тут думать? У нее и выбора-то не было — если бы не деньги графа, так вовремя появившегося в Уилтшире, и фабрика, и Лонгберри давно ушли бы с молотка за долги.

Джулия утомленно прикрыла глаза и едва заметно поморщилась. Проклятые условия сделки!

— Все в порядке, милорд, — спустя несколько минут заявил эскулап. — Миледи все так же чиста и невинна, как и в первый день вашего брака.

— Свободен, — коротко махнул рукой граф, отпуская доктора.

Лорд Норрей тяжело оперся на трость, поднялся со стула и, прихрамывая, медленно подошел к Джулии.

— Благодарю вас, дорогая, — поцеловал он пунцовую от смущения Джул и ухватил сухими пальцами ее подбородок. — Я ценю вашу верность. Завещание остается в силе.

Усмехнувшись каким-то своим мыслям, граф окинул Джулию цепким взглядом и неторопливо покинул комнату.

Когда звук шаркающих шагов мужа стих, Джул стерла со щек слезы унижения и резко дернула шнур звонка.

— Ванну, — коротко приказала она прибежавшей на зов горничной.

Понятливая Клара тут же кинулась наполнять огромную емкость водой, а Джул устала в окно, пытаясь отвлечься от произошедшего. Пять лет. Пора бы уже и привыкнуть. Почему же до сих пор так противно? Эти неприятные холодные пальцы, копошащиеся в ее женском естестве, эти любопытные глаза, осматривающие ее нагло и беспардонно. Фу. Гадко-то как! И ведь каждый раз надеется, мерзкий ублюдок! Ишь каким траурным голосом объявил: «Все в порядке, милорд!»

Она невольно нахмурилась.

— Пожалуйте, миледи, — донесся до нее голос служанки. — Ванна готова.

Джулия прошла в отделанную мрамором умывальную комнату и грустно улыбнулась. Догадливая Клара добавила в воду розовое масло, зная, что хозяйка его обожает, и это растрогало Джул почти до слез.

— Спасибо, — шепнула она, пока горничная расстегивала ее платье.

— Всегда рада услужить вашему сиятельству, — негромко отозвалась девушка, но Джул знала, что за этими формальными словами скрывается искреннее участие.

— Джонас уже уехал? — Она переступила высокий бортик и опустилась в ароматную воду.

— Да, миледи. Как только от вас вышел, так и поминай как звали. Неприятный тип!

Горничная фыркнула и потянулась за ковшиком.

«Неприятный», — мысленно согласилась с ней Джулия, а вслух ответила:

— Клара, следи за языком. Не дай Создатель, при графе такое скажешь.

Ей не хотелось терять единственного близкого человека, оставшегося от прежней жизни.

— Да вы не беспокойтесь, ваше сиятельство. Что уж я, совсем без понятия, что ли? А Джонас этот — мерзкий тип, с какой стороны ни взгляни! Давеча Полли разродиться не могла, так он и пальцем пошевелить не захотел. Мы уж ему и денег сулили, а он ухмыльнулся и говорит, я, дескать, только с благородными господами свою работу делаю, а об вас руки марасть не собираюсь. Хорошо, милорд ему приказал, так он ребеночка-то принял, а то и не знаю, что было бы. Тетушка Дженни сказала, что пуповина на шее у маленького затянулась, еще бы немного — и все.

Джулия вспомнила веселую розовощекую кухарку Полли, ее непутевого мужа Тоби и четверых маленьких рыжеволосых ребятишек. Это шумное семейство два года назад появилось в имении и сразу же вписалось в неторопливую жизнь большого дома, заполнив его шумом и бестолковой суетой. Уильям ворчал, что новые работники доставляют слишком много беспокойства, но уволить их не мог, потому что Полли умела готовить удивительно вкусные блюда.

— И кто родился? — спросила Джул.

— Так мальчик же. Еще один, — охотно ответила служанка. — Вроде и непутящий мужик Тоби, а по своей части все у него хорошо работает, вон наследников сколько!

— Мальчик, — задумчиво повторила Джул и представила новорожденного. Маленький, теплый, пахнувший молоком и чем-то таким особенным, детским, непередаваемо прекрасным. У Полли получались исключительные детки. В прошлом году родился Джонни — смешной, с длинным рыжим вихром на макушке, с большим жадным ротиком и громким голосом. А теперь еще один мальчик.

— И как назвали? — спросила она.

— Аарон, — откликнулась Клара.

Аарон. Хорошее имя. Да и малыш наверняка чудесный. А вот ей о детях лишь мечтать остается.

В душе привычно заныла старая рана, но Джул заставила себя не думать о собственной, проходящей впустую жизни.

Она отдала Кларе полотенце и плотно запахнула халат.

— Ваше сиятельство, а вы на прогулку пойдете? — поинтересовалась горничная. — Я серое платье приготовила. Вот только не знаю, не слишком ли оно легкое?

— Раз приготовила, значит, его и надену, — равнодушно ответила Джул.

Платье. Это такая мелочь...

Она поправила волосы, туго затянула пояс и направилась в спальню.

В комнате, несмотря на растопленный камин, было сыро и холодно. От окна ощутимо тянуло сквозняком. Темный шелк на стенах казался еще мрачнее, чем обычно.

«Не спальня, а усыпальница, — вздохнула Джул, разглядывая тяжелую, массивную мебель, прослужившую нескольким поколениям графинь Уэнсфилд. — Одно трюмо чего стоит!»

Громоздкое зеркало, которое она ненавидела всей душой, тускло подмигнуло ей своими позолоченными гранями.

Джулия зябко передернула плечами. Странно. На мгновение она ощутила на себе чей-то взгляд. Пристальный, въедливый, недобрый. Правда, она тут же отогнала нелепые страхи. Что за глупости?! В спальне никого, кроме нее и служанки, нет.

— Миледи, позвольте? — Клара аккуратно расправила платье и помогла Джул одеться. — Я еще шаль достала, погода нынче ветреная, как бы вы не простудились.

Горничная обеспокоенно нахмурилась.

Джулия молча забрала из рук служанки теплую шерстяную шаль и накинула ее на плечи. Какая простуда? Глупости! Она никогда не болеет. Даже после того ужасного ливня, который надолго уложил в постель Лиззи, она всего лишь пару раз чихнула. Да и то, скорее всего, от скопившейся в мансарде пыли. Исключительное здоровье, как сказал тогда доктор Уэтерби.

Она усмехнулась своим мыслям, взяла с тумбочки книгу и отправилась в парк, на прогулку.

Стоило Джул выйти из дома, как прохладный ветер подхватил тонкую шаль, растрепал прическу и зацепился за подол юбки, увлекшись игрой с пышными оборками. Джулия невольно улыбнулась. Она любила это ни с чем не сравнимое ощущение свободы. Любила краткие моменты одиночества. Любила радоваться таким вот ничего не значащим мелочам и ценила каждое приятное мгновение своей совсем не веселой жизни.

Подставив лицо ласковым прикосновениям ветра, Джул свернула на тисовую аллею.

Шаг за шагом она отходила все дальше от мрачного замка, избавляясь от его давящего величия. Дойдя до затянутого ряской пруда, Джулия присела на скамейку и раскрыла книгу.

Есть улыбка любви
И улыбка обмана и лести.
А есть улыбка улыбок,
Где обе встречаются вместе.
Есть взгляд, проникнутый злобой,
И взгляд, таящий презренье.
А если встречаются оба,
От этого нет исцеленья.

— От этого нет исцеленья, — тихо повторила она последние строки и отложила в сторону старенький, потертый томик стихов Блейка.

Джулия задумчиво смотрела на неподвижную водную гладь, вспоминая события пятилетней давности. Тогда, в далеком

пятьдесят восьмом, она, молоденькая романтическая барышня, даже не предполагала, как резко изменится ее жизнь после ежегодного Большого бала. Память вернула Джул в маленький провинциальный городок, в модную лавку мадам Доротеи — лучшей модистки всего Уорминстера и по совместительству первой сплетницы графства.

Пять лет назад

— Маменька, этот цвет больше пойдет Джул, а не мне, — капризно надула губки Элизабет.

Сестра приложила к лицу отрез бледно-зеленого шелка и придирчиво осмотрела себя в зеркале.

— Нет, не годится! — Лиззи небрежно отбросила ткань и принялась перебирать образцы. — Не то, это тоже не то. Вот! Маменька, ну вот же, вы только взгляните! Совсем другое дело! — выгатавив из разноцветного вороха переливающийся малиновый шелк, сестрица довольно улыбнулась. — Посмотрите, разве я не красавица? Этот яркий оттенок так идет к моим волосам! А если сделать воланы из кружева... И пышную юбку, а по подолу пустить розочки... Граф Уэнсфилд будет в восторге от моего вкуса! Правда же, Джул?

Джулия скептически посмотрела на сестру. Бедная Лиз! В ее взбалмошной голове так крепко засела мысль о браке с графом, что ради этого сестра готова на все. В доме только и слышно, что о лорде Норрее. И о том, как скоро он сделает предложение.

— Лиззи, этот цвет слишком яркий для молодой незамужней леди. Боюсь, ты будешь выглядеть вульгарно, — рассудительно заметила Джул, отложив в сторону лоскуты образцов.

— Маменька, почему Джулия всегда говорит мне гадости? — обиженно протянула Элизабет. Ее пухлые губки некрасиво скривились. — Знаешь, Джули, ты просто завидуешь тому, что скоро я стану графиней. Но если ты боишься остаться старой девой, я не виновата — в твои двадцать два давно уже пора иметь жениха! И вообще, вместо того чтобы кукситься, лучше бы порадовалась за меня!

Джулия иронично посмотрела на сестру, но промолчала. Все равно Лиз не поверит, что не нужен ей никакой жених. Сестрица редко слышит кого-либо, кроме себя.

— Душечка, зачем ты так? — добродушно улыбнулась маменька. — Разумеется, мы найдем для Джулии подходящую партию. Я уверена, что в этом сезоне вы обе выйдете замуж. И я согласна с твоей сестрой — этот цвет слишком взрослый, он тебя старит. Взгляни-ка сюда, — леди Фицуильям развернула отрез нежно-розового шелка и, прищурившись, посмотрела на дочь. — Да, отлично, — кивнула она и обратилась к модистке: — Дороти, мы решили. Розовый и зеленый — для юных мисс и серебристо-серый — для меня.

— О, миледи, замечательный выбор, — тонко улыбнулась мадам Доротейя. — Мои девочки сошьют вам самые лучшие наряды. Думаю, его сиятельство точно не устоит и сделает предложение мисс Элизабет на предстоящем Большом балу. Ах, это будет чудесно! Я даже знаю, какой подвенечный наряд сошью для вашей дочери. Атласный шелк. Голубой, с серебряной отделкой. Можно было бы и золото по подолу пустить, но серебро подойдет больше. Лиф украсим вставками из кружева, подол разошьем маленькими букетиками роз и непременно — шлейф! Мисс Элизабет Фицуильям произведет фурор!

Невысокая шупленькая мадам быстро сыпала словами, ловко сворачивая ткани и делая необходимые подсчеты. «Деловая женщина», — вспомнила Джул определение мистера Невилла. И это не было похвалой. Сосед Фицуильямов терпеть не мог оборотистую мадам и не скрывал своей неприязни. «Высочка, — презрительно цедил он. — Что она понимает в одежде? Разве сравнятся ее французские финтифлюшки с настоящей английской шерстью?» Мистер Невилл много лет владел модной лавкой и об английской шерсти знал все, но с тех пор, как в Уорминстере появилась Доротейя Бенкс, дела его шли неважно. Ловкая модистка умудрилась всего за пару лет увести у старого мэтра почти всю его клиентуру, а ее магазин стал самым популярным в округе.

Джулия обвела взглядом просторную примерочную. Да, таланту мадам можно только позавидовать.

— Ах, Дори, пока рано рассуждать о свадьбе, — озабоченно разглядывая ткань, заметила леди Фицуильям. Маменька была уверена в скором браке Лиз, но боялась спугнуть удачу. — Его сиятельство еще и предложения не сделал!

— Полно, миледи, — лукаво улыбнулась Доротея. — Об этом уже все говорят, да и сам лорд Норрей не отрицает, что влюблен в вашу дочь. Вы же знаете, я не поощряю сплетни, но вчера кухарка его сиятельства рассказывала моей Мэри, что в замке только и разговоров, что о предстоящей свадьбе. И потом, недаром же граф Уэнсфилд так надолго остался в Уилтшире и даже распорядился организовать в своем дворце Большой бал? Вот увидите, после праздника вы обязательно ко мне придете. Надеюсь, вы не лишите меня чести сшить подвенечный наряд для будущей графини Уэнсфилд?

На остреньком личике Доротеи расплылась угодливая улыбка.

Джулия отвернулась к окну. Там, за стеклом, шла привычная неспешная жизнь. Возле мясной лавки беседовали служанки Скримпеллов и Броуди, по пыльной дороге гонял мяч мальчишка Доусонов, рядом с почтой остановилась новенькая карета, и из нее суетливо выбралась старая леди Хиллен. Джул и сама с радостью оказалась бы на улице, подальше от неискренней улыбки мадам и пыльного запаха слежавшихся тканей.

— Так я могу надеяться, миледи? — снова спросила Дороти.

— Если до этого дойдет дело, — протянула леди Фицуиллям, — разумеется, мы обратимся к вам. Девочки, нам пора, — повернулась она к дочерям.

Радостно улыбающаяся Элизабет и задумчиво-отрешенная Джулия молча последовали за ней и покинули лавку, оставив ее хозяйку подсчитывать будущие барыши.

* * *

Редкие капли дождя отвлекли Джул от воспоминаний. Она огляделась по сторонам и плотнее закуталась в шаль. По воде расходились небольшие круги, ветер гнал низкие тучи и трепал страницы лежащей на скамье книги, а ветви деревьев испуганно гнулись к самой земле. Погода не желала баловать жителей Вуллсхеда солнечными деньками.

Джулия поднялась, прихватила с собой старенький томик и двинулась по дорожке к дому. На фоне грозового неба его древние стены казались особенно зловещими. Они мрачно нависали над парком, отбрасывали тень на извилистые дорожки и неодобительно поглядывали на Джулию своими узкими

стрельчатыми окнами. Так старики наблюдают за молодежью поверх спущенных на нос очков.

Джул забко поежилась. Она не любила старый замок. С самого первого дня он внушал ей опасение. Особенно ночью, когда стихали все звуки и на Вуллсхед опускалась вязкая тишина.

— Миледи, вот вы где! Милорд волнуется, велел мне вас в дом увести! — Клара, сбегав со ступеней, суетливо набросила на нее длинный плащ.

— Уже иду, — ответила Джулия.

Она поправила тяжелую ткань и пошла к дверям. Дождь припустил сильнее. Крупные капли запрыгали по лужам, застучали по витой ограде крыльца, забарабанили по мощеному двору, сливаясь со звуком колес подъехавшего экипажа.

«Интересно, кому взбрело в голову ездить по гостям в такую погоду?» — подумала Джул.

Потянув на себя тяжелую створку, она уже собиралась войти, но дверь открылась, и Джул столкнулась с выходящим из дома мистером Бинглоу. Этого-то какая нелегкая принесла?

— Миледи, — приподнял цилиндр известный лондонский стряпчий.

— Добрый день, мистер Бинглоу, — коротко поприветствовала его Джул.

Она не любила поверенного мужа. Его визиты не сулили ей ничего хорошего.

— Ох, миледи, — откликнулся стряпчий. — Кабы погода получше, так и день был бы добрым!

Мистер Бинглоу натянуто улыбнулся, суетливо открыл зонт и постарался быстрее проскользнуть мимо Джулии.

— Всего доброго, ваше сиятельство, — пробормотал он, старательно пряча глаза.

Джулия хмыкнула, наблюдая, как мистер Бинглоу едва ли не бегом спускается по ступеням, исчезает в недрах громоздкого экипажа и тот трогается с места. Какая поспешность!

Джул проводила отъезжающую карету задумчивым взглядом. Выходит, граф составил новое завещание. Пятое по счету со дня своей женитьбы. Интересно, что он придумал на этот раз?

Она открыла дверь и вошла в полутемный холл. Едва заметный запах плесени привычно напомнил о древности замка.

Однажды Джул попыталась уговорить мужа заменить старые деревянные панели, но граф даже слушать ее не стал. «Дорогая, этот дом — наследие моих предков, — заявил тогда лорд Норрей. — Здесь все дышит стариной и историей. И уж поверьте, менять что-либо в Вуллсхеде — настоящее преступление!»

Спорить с графом оказалось бесполезно. Если он сказал, что дом дышит стариной, значит, так оно и есть, а запах плесени ей только чудится, как чудится и многое другое. И Джулия сдалась. Попробовала бы не сдаться! История рода была единственной страстью Уильяма. Долгими зимними вечерами он рассказывал Джул о досточтимых предках, о славном прошлом Норреев, о первом графе Уэнсфилде, о его заслугах перед короной и многочисленных победах на поле боя. Джулия слушала мужа, но думала вовсе не о том, что он рассказывал, а о самых простых вещах — о грядущем Рождестве, о подарках близким, о том, что неплохо было бы переделать одно из прошлогодних платьев и выбрать новый набор для вышивания. Лорд Норрей, довольный внимательной слушательницей, пускался в красочные описания далеких сражений, а Джул кивала в нужных местах и с нетерпением ждала окончания очередного рассказа. Разумеется, ни о каком ремонте речи больше не заходило, и ей приходилось мириться с тяжелой, старомодной обстановкой особняка. В Вуллсхеде даже современного газа не было. Граф не разрешал, как он говорил, уродовать дом трубами и рожками, и обитателям замка приходилось пользоваться свечами и масляными лампами.

— Его сиятельство у себя? — спросила Джул у служанки, отдавая ей мокрый плащ.

— Да, миледи, — ответила Молли. — Милорд в кабинете.

Джулия кивнула и неспешно направилась к своей комнате. Узкие коридоры, каменные стены, полутьма — все это навевало уныние и давило, забирая из сердца тепло и радость. В замке царили холод и тишина. Как в склепе. Джул иногда хотелось крикнуть что-нибудь или громко рассмеяться, чтобы разрушить гнетущую атмосферу Вуллсхеда, но она понимала, что не может позволить себе настолько забытья. Да она уже и забыла, каково это — громко разговаривать или искренне смеяться. Жизнь с Уильямом заставила ее избавиться от этих, как называл муж, простонародных атавизмов.

Проходя мимо открытой двери кабинета, Джул услышала негромкий голос графа:

— Дорогая, зайдите ко мне.

Она вошла в полумрак покоев и прищурилась. Низкое осеннее небо почти не давало света, и в кабинете было по-вечернему темно. По углам шептались тени, в камине догорали дрова. Отсветы огня падали на широкую медную полосу, закрывающую пол перед очагом, тихо потрескивали красные сердитые угли.

— Вы что-то хотели, милорд? — Джул застыла на пороге и посмотрела на мужа.

Уильям сидел в глубоком кресле, и ноги его были укутаны теплым пледом. Похоже, больные суставы графа снова ныли на погоду. Джулия нахмурилась. С обострением подагры характер супруга становился просто невыносимым. И ведь граф знал, что Вулсхед — не самое подходящее место для его здоровья, но все равно упорствовал, не желая уезжать в Лондон. Джул вспомнила столичный особняк — современный, светлый, сухой — и вздохнула. Ей не терпелось вернуться в Найтсбридж и забыть о старом замке до следующей зимы, когда наступит время очередной ежегодной повинности.

— Думаю, вам будет интересно узнать, что я составил новое завещание, — веско произнес граф. Он по-птичьи склонил голову и уставился на нее своими выпуклыми водянистыми глазами. — В нем я указал вас единственной наследницей всего моего состояния при условии, что в течение пяти последующих после моей смерти лет вы не выйдете замуж. Мистер Бинглоу заверил это завещание, а Мэри и Тобиас поставили свои подписи, так что оно имеет законную силу, — супруг окинул Джул цепким взглядом и холодно улыбнулся. — Вы можете идти, миледи, — он откинулся на спинку кресла и подтянул повыше клетчатый плед. — И постарайтесь сегодня не опоздать к обеду.

Джулия настороженно смотрела на мужа. Похоже, тому доставляет удовольствие ее мучить. Каждый раз он указывает в завещании все новые условия. В прошлом декабре лорд Норрей пожелал, чтобы его вдова провела в одиночестве три года. Сейчас речь идет уже о пяти годах. Наверное, в следующем завещании этот срок увеличится до десяти лет. Джул усмехнулась. Бедный Уильям! Он так боится, что без него она будет счастлива!